

СВЕТ В ТЁМНОЙ КОМНАТЕ

Подотчётность без слезки и аргумент
в пользу планетарного народа

АРТУР АРАКЕЛЯН

Свет в тёмной комнате

*Подотчётность без слезки и аргумент в
пользу планетарного народа*

Артур Аракелян

в сотворчестве с ИИ Claude Fable 5

Copyright (c) 2026 Артур Аракелян

Цифровые издания этой книги распространяются свободно.
Делитесь ею - без изменений и с указанием авторства.
Веб-издание, а также документы народа, о котором она
написана, - на earth-lings.org.

Первое издание, 2026.

Книга написана Артуром Аракеляном в работе с Claude Fable 5 -
моделью ИИ компании Anthropic. Аргументы, позиции и
итоговый текст принадлежат автору; ИИ был партнёром по
черновикам, редактором и составительным рецензентом.

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. Машина и хаос	7
Глава 2. Авторы, а не объекты	14
Глава 3. Здоровые инструменты	20
Глава 4. Тёмная комната	25
Глава 5. Подотчётность без слежки	30
Глава 6. Окно, которое открылось	38
Глава 7. Учреждение народа	42
Глава 8. Щит, а не меч	53
Глава 9. Коррупция, безопасность, экономика	57
Глава 10. Управление без касты	63
Глава 11. Где всё это ломается	69

Предисловие

Книга короткая, и мысль в ней одна. Вот она, сразу, - чтобы не пришлось её искать.

Мир стал единой системой, но управляют им структуры, построенные для мира разделённого. Издержки несоответствия - коррупция, войны, ничьи риски - ложатся на людей, которые не участвовали в решениях и не будут услышаны там, где решения принимаются. Отчасти в ответ выросло новое поколение инструментов, и многое в них по-настоящему хорошо: они забирают контроль у центров, где его скопилось слишком много. Но отобрать контроль - не значит построить что-то взамен; у пространства, устроенного вокруг одного лишь снятия надзора, есть свой изъян. Эта книга - о недостающем слое: как знать, что перед вами один настоящий человек, не узнавая, кто он. Подотчётность без слежки. И о том, что этот слой впервые делает возможным: народ - добровольный, планетарный, учреждённый своими членами, а не назначенный при рождении, - с законным правом встать и быть услышанным.

Два слова о названии. Тёмной комнате этих страниц не нужен прожектор - книга подробно спорит с самой идеей его ставить. Свет здесь меньше и точнее: его ровно столько, чтобы видеть, что комната обитаема - настоящими, отдельными, поддающимися счёту людьми, - и ни одно лицо при этом не освещено. Можно ли такое построить, а не только пожелать, - об этом середина книги.

Два предупреждения. Первое: автор - не сторонний наблюдатель. Проект, о котором эта книга, существует; его первую версию построил я, и там, где это существенно, так и сказано. Довод выстроен, чтобы стоять или падать самостоятельно, а последняя глава - перечень мест, где он может упасть, составленный против самого себя раньше любого рецензента. Второе: книга не говорит ни за кого, кого не сосчитала. Она ничего не заявляет от имени человечества; она описывает народ из тех, кто вступил свободно, и доказывает, что такой народ вправе говорить за себя. Заговорит ли он и за вас - решать только вам.

Главы идут по порядку - довод накапливается, - но каждая выдерживает отдельное чтение; несколько так и родились, эссе. Кому нужно правовое ядро - часть IV. Кто хочет сначала узнать, почему всему этому стоит верить, - начните с главы 11 и читайте назад, к основаниям.

А.А.

Глава 1. Машина и хаос

Мир стал единой системой - не лозунг, а констатация. Вирус, вспыхнувший в одном городе, за несколько недель останавливает жизнь на всех континентах. Модель, обученную в одной лаборатории, никто не согласовывал с рынками труда - а она их перекраивает. Банк рушится в одной стране - сбережения тают в другой. Война на чьей-то границе поднимает цену хлеба за тысячи километров. Всё, что случается где-то, теперь в какой-то мере случается везде.

А управляем мы этой системой инструментами другого мира - мира отдельных комнат с толстыми стенами, где происходящее в комнате в ней и оставалось. Территориальные государства, суверенные в своих границах. Международные организации, где государства торгуются, оберегая свой интерес и держа вето наготове. Архитектура рассчитана на разделённый мир; мир давно сплетён воедино. Об этом разрыве и написана книга - и прежде чем что-то предлагать, стоит рассмотреть его в упор.

Начнём с вопроса, который звучит цинично, хотя это вопрос об устройстве: кто всем этим управляет?

Честный ответ: никто. В этом и проблема - но не в том смысле, какой приходит в голову первым. Власти хватает: правительства, центральные банки, горстка

платформ, через которые миллиарды узнают о мире, фонды, за утро перемещающие больше денег, чем есть у большинства государств. Беда не в нехватке власти, а в том, что центров у неё много, каждый выстроен как иерархия, каждый жёстко соперничает с остальными - и ни один не отвечает за целое.

Вообразим обратное: миром правит одна структура, без соперников. Как ни мрачно это звучит, у неё был бы хотя бы интерес к порядку - монополисту не нужен хаос на собственном рынке. Даже рэкет, оставшись в городе один, стережёт тишину на улицах: беспорядок вредит делу. Единая мировая власть была бы тиранией, да её и нет, и построить её нельзя. Но эксперимент обнажает суть: мир страдает не от хищника, заинтересованного в стабильности, а от того, что его рвут друг у друга многие - и никому из них нет дела до целого.

Когда соперничают многие иерархии - страны, отрасли, рынки, - каждая работает на себя. Её выживание зависит от победы над остальными, а не от здоровья общей среды, которой кормятся все. Каждая сбрасывает вовне всё, что может. Издержки без хозяина - расшатанный климат, гонка вооружений, технология без тормозов, финансовый шок - ровно те, которые никто из соперников не приспособлен нести. Лес рубят - щепки летят; и никто из машущих топором не в ответе за лес.

Это не моральный приговор: люди во главе этих структур не порочнее прочих. Поставьте других - логика устоит: побеждай или уступи место, а общие издержки пусть падают, куда упадут. Изъян в

устройстве, а изъяны устройства не лечатся хорошими людьми. Такое положение - не сбой, а равновесие, и клонится оно к нарастанию беспорядка. Кончится ли это крахом, утверждать не берусь: пророчествам грош цена. Но траектория гнётся не в ту сторону, и ничто в нынешнем устройстве не выгибает её обратно.

Посмотрите, что из этого выходит: беды, которые принято считать отдельными, оказываются одной бедой в разных одеждах.

Политическая коррупция. Её привыкли описывать языком морали: жадные чиновники, слабые характеры, культура мздоимства. Но там, где власть скапливается в кабинетах, не подотчётных людям, расплачивающимся за их решения, коррупция будет при любых кадрах. Ответственность течёт в одну сторону - гражданин отвечает перед государством, государство ни перед кем, - и стимул брать встроен в конструкцию. Коррупция - не поломка машины. Это машина, работающая как задумано.

Нагляднее всего - государственный долг. Почти каждое государство, при любом строе, назанимало столько, сколько производит за год, или больше. Люди, которым эти долги выплачивать, за них не голосовали; многие ещё не родились, когда долги делались. Платить будут инфляцией, налогами, тихо скудеющими школами и больницами. И нет института, который был бы вправе объявить государство несостоятельным и спросить с него, как с любого должника. Гражданина, просрочившего платёж, ждёт точная и безотказная машина взыскания. Государству,

заложившему будущее поколения, не грозит ничего.

Или война, ставшая обыденностью. В каждом конфликте привыкли видеть отдельный кризис - со своими причинами и злодеями. Отступите на шаг - проступит закономерность: мир соперничающих держав без общего пола будет порождать конфликты снова и снова, потому что каждая защищена лишь собственной силой и в чужой силе читает угрозу. Расплата - убитые, изгнанные, руины - достаётся людям, которые войны не выбирали. Война - не сбой системы, а её продукт.

Это не сведение всего к одному ради красного словца - смысл обратный. Если коррупция, война и финансовая хрупкость воспроизводятся в обществах любого типа, причина едва ли в самих обществах. Она в устройстве, лежащем под ними: много соперничающих иерархий, общие издержки без хозяина - и никакого механизма, через который платящие были бы услышаны там, где решают. Дальше в книге это называется вакуумом подотчётности: пустое место там, где должно быть ответственное целое.

Теперь опустим это на уровень отдельного человека - здесь абстракция становится осязаемой.

Вы ясно видите одну из этих бед и хотите действовать. Что доступно? Путь через собственное государство: голосовать, подписывать петиции, объединяться, ждать. Но государство по самому устройству отстаивает интересы своих граждан против чужих и в планетарных вопросах - климат, технологии, война - против своей

выгоды не пойдёт. На вопросах, которые важнее всего, этот канал упирается в стену.

Другой выход - уйти: в параллельную экономику, сообщество единомышленников, тихий угол. К этому тянутся многие думающие люди, и логика понятна: если систему не починить и не сдвинуть её же каналами, остаётся выйти. Но уход меняет одну беспомощность на другую. Вы больше не подчинены машине, на которую не могли влиять, - зато отрезаны от масштаба, в котором она работает. Решения, определяющие вашу жизнь, по-прежнему принимаются на планетарном уровне; вы лишь разорвали с ним последнюю связь. Фрагментация рассеивает людей, а не собирает. Одиночка, как бы ни был свободен в своей маленькой комнате, влияет на общий мир не больше прежнего - пожалуй, меньше.

Честное возражение: не все переживают это как беду. Кому-то беспорядок - возможность: волатильность вознаграждает занявших позицию, а мир без ответственного центра меньше ограничивает тех, у кого ресурсы. Правда; боль не всеобщая - кто-то сидит за столами, где решают. Эта книга о других: об огромном большинстве, которое не сидит, несёт издержки чужих решений и может лишь молча терпеть - или молча уйти.

Стоит точно назвать, чего не хватает: расхожая версия этой жалобы популярна и неверна. Она гласит: за человечество некому говорить. Не совсем так - государства формально говорят, каждое за своих граждан; это их работа. Пробел уже и конкретнее: у

людей нет прямого канала коллективного участия в планетарных вопросах помимо посредничества их государств. Кроме государства, обычным людям нигде действовать сообща в том масштабе, где принимаются значимые решения. Внутри страны у человека есть голос. Над страной - только государство, говорящее от его имени на своих условиях. Или ничего.

Вот вакуум, названный точно: не отсутствие власти - отсутствие канала. Не хватает не оратора - не хватает места за столом.

Диагноз, без лишнего: мир - одна система, управляемая как множество. Её рвут иерархии, по природе не отвечающие за целое. Издержки несёт большинство, у которого нет механизма быть услышанным. А оба выхода - через государство или прочь от него - тупики: один в стену, другой в изоляцию.

Начало мрачное, и вся глава отказывалась его смягчать - потому что отсюда сильнее всего тянет схватиться за рецепт, а почти все рецепты - те же два тупика в новой упаковке. Ещё одна реформа институтов, которые ни перед кем не отвечают. Ещё один призыв уйти - теперь с инструментами получше.

Если болезнь записана в самом устройстве, поверхностные средства до неё не достанут - как не достают мази до наследственной болезни, которая проявляется воспалением на коже. Можно менять компрессы чаще и подбирать составы лучше; сыпь будет возвращаться, потому что её источник не в коже. Реформы, кадровые перестановки, ещё один

надзорный орган - это компрессы. Работать надо на том уровне, где записано само устройство.

Но есть третья возможность, ради которой книга и написана. Что, если уход - фрагментация, которой уже живут многие, - способен собирать, а не рассеивать? Что, если покидающих старый порядок можно собрать в нечто со своим статусом и своим каналом к планетарному уровню - и не превратить по дороге в ещё одну иерархию? Это не обещание - это вопрос, и трудный. Остальная книга - попытка честного ответа, включая места, где ответ не выдерживает.

Начать придётся с самой малой единицы - с той, которую система незаметно превратила из автора в объект. С отдельного человека. О нём следующая глава.

Глава 2. Авторы, а не объекты

Первая глава смотрела на машину сверху: соперничающие иерархии, ничьи издержки, вакуум там, где должно быть ответственное целое. Но на этой высоте никто не живёт. Люди живут внутри отдельных жизней, и самая глубокая цена всего устройства измеряется не цифрами долга и не числом погибших - а тем, что происходит с ощущением человека, что он автор собственной жизни.

Присмотритесь к обыденной ткани. Вами управляют куда больше, чем управляете вы. С вами советуются редко, а слышат ещё реже. Всё, из чего состоят ваши дни, - цены, прочность работы, достанется ли детям пригодная для жизни планета - решается там, где вас нет, людьми, которых вы для этих решений не выбирали и до которых не дотянулись. Вы, в точном смысле слова, объект: тот, с кем делают. Система не питает к вам ненависти. Ей просто не нужно ваше участие - потому она его и не ищет.

Дело глубже, чем решения, принятые без вас. Самая полная форма власти - не способность принудить к действию, а способность задавать сами понятия, в которых люди понимают мир: что нормально, а что крайность; что реалистично, а что наивно; что серьёзное предложение, а что не стоит обсуждения. Люди не просто живут под такой властью - они живут внутри картины мира, которую она рисует. Границы

мыслимого проведены за них, и обычно незаметно; поэтому это и работает. Человек может быть совершенно свободен говорить - и несвободен тише: неспособен вообразить, что всё могло бы быть устроено иначе, потому что каждый источник, питающий его воображение, заинтересован в нынешнем порядке.

Это сведение к объекту в законченном виде: не «ваш выбор ограничен», а «меню того, что вы считаете выбором, составил кто-то другой».

Очевидное возражение: это уже решено. У нас демократия: народ правит - или хотя бы выбирает правящих и может их сместить. Скажем прямо: демократия была настоящим шагом вперёд, честной попыткой разорвать старый круг, в котором власть доставалась тому, кто сумел её захватить и удержать. Лёгкий тон презрения к ней, который нынче в ходу, здесь не годится.

Но посмотрите, чего этот механизм просит от человека. Раз в несколько лет вы вручаете свою волю представителю - он войдёт в собрание и, как предполагается, эту волю понесёт. В промежутках вас просят, по сути, помолчать. Когда конструкцию строили, она имела смысл: миллионы людей не могли совещаться на одной площади, другого способа собрать волю большого населения не было. Представительство было лучшим доступным компромиссом. Но решение, построенное под ограничения одной эпохи, застывает со временем в иное: в порядок, где воля течёт вверх и почти никогда обратно, а роль гражданина сужается до ритуала раз в несколько лет.

И сам ритуал не нейтрален. Кампании стоят денег - значит, деньги покупают доступ, внимание и повестку. Формальное правило: один человек - один голос. Рабочая реальность кренился к другому: одна единица капитала - одна единица влияния. Это не заговор, и выдумывать его незачем; это то, что происходит, когда систему, работающую на деньгах, ставят поверх системы, которая должна работать на голосах. Раздельными они не остаются. Голос сохраняется - настоящий и равный на бумаге, - а рычаги, решающие, какие варианты вообще попадут в бюллетень, перетекают к тем, кто способен заплатить.

Когда на это указываешь, разговор обычно закрывают двумя ответами - и оба стоит назвать по имени, потому что оба делают тихую работу.

Первый: альтернативы нет. Да, демократия несовершенна, но лучшего человечество не придумало. Это повторяют так часто, что утверждение приобрело фактуру факта. Второй: проблема в самих людях. Человек эгоистичен, близорук, склонен к жестокости; без власти над ними люди разорвали бы друг друга - так что сосредоточенная власть не зло, а необходимость.

Заметьте: два утешения указывают в противоположные стороны - и их держат в голове одновременно. Первое: система хороша настолько, насколько возможно. Второе: люди плохи настолько, насколько возможно. Вместе - замкнутый круг, в котором критика бессмысленна: зачем менять то, чему нет альтернативы, и зачем доверять тем, кому нельзя? Но

оба объявляют человеческой природой то, что первая глава возвела к устройству. Если коррупция и конфликт воспроизводятся при любом режиме, постоянная величина - не изъян людей, а изъян конструкции. Поместите порядочных людей в структуру, которая вознаграждает изъятие и сбрасывает издержки вовне, - получите изъятие и сброшенные издержки. Пораженчество насчёт человеческой природы - не наблюдение. Это алиби конструкции.

Под всем этим лежит асимметрия ещё глубже - из неё вырастает вся остальная книга.

Международное право признаёт право народов на самоопределение: народ свободно определяет свой политический статус и идёт своим путём. Это один из несущих принципов современного порядка. Но право дано народам - не людям. Отдельного человека оставили за скобками. А как человек получает свою первичную принадлежность - ответ на вопрос, частью какого целого он является? Её назначают при рождении, помимо его воли: нация, гражданство, графа, в которую его вписывают раньше, чем он способен на что-либо согласиться. В самом основном деле человек остаётся объектом определения извне - ровно там, где народ давно стал субъектом, определяющим себя сам.

Эта несвобода не вечна и не природна - она историческое новшество. Большую часть человеческой истории люди передвигались по земле без разрешений: паспорта, визы, гражданство как всеобщая система -

изобретения последних полутора столетий. Было ли когда-нибудь общество, в котором каждый чувствовал себя свободным, - мы не знаем. Но мы знаем, когда строилась клетка, и видим, что прутья сгущаются: права и свободы сокращаются почти повсеместно - под предлогом безопасности или вовсе без предлога. Как дорога свобода, каждый знает без подсказки. Золотая клетка остаётся клеткой.

Эта асимметрия не выглядит ни естественной, ни необходимой. Человек - не только носитель принадлежности, которую ему вручили; он способен быть её автором: сознательно выбирать, с чем себя связывает и что будет строить. Это ещё не юридический довод - право пока не признаёт за отдельным человеком такой возможности, и здесь это не утверждается. Это утверждение о достоинстве, о почве, на которую позже встанет юридический довод: существо, способное быть автором собственной жизни, не должно в самой глубокой из своих принадлежностей оставаться тем, что ему назначили.

Здесь две главы сходятся - и узел затягивается туже. Допустим, вы согласились: человек должен быть автором, а не объектом. Что дальше? Вернуть человеку ощущение авторства - пустое дело, если авторству нигде действовать. А первая глава уже показала: оба выхода никуда не ведут - государство не станет действовать в планетарных вопросах, уход изолирует. Автору без страницы не лучше, чем объекту.

Требование, стало быть, приобретает точный вид: человеку нужен способ действовать вместе с другими в

том масштабе, где решается судьба общего мира, - и так, чтобы не отстроить по дороге, в который раз, иерархию, превращающую участников обратно в объекты. Спецификация требовательная. Собрание - без новой касты; статус - без нового суверена; масштаб - без новой машины над головами.

Именно это в последние годы и пытается построить множество людей - новым набором инструментов: координация без центрального хозяина, собственность без хранителя, участие без разрешения. Хватит ли этих инструментов - или в них заложен собственный изъян, который энтузиазм вокруг них прячет, - вопрос следующей части книги.

Глава 3. Здоровые инструменты

У нового набора инструментов, на который указала прошлая глава, есть имя, и это имя само стало проблемой. Web3, крипта, блокчейн: слова приходят уже нагруженными - состояниями, нажитыми и потерянными за ночь, скамами, монетами знаменитостей, общей атмосферой казино. Многое из происходящего под этими словами скепсиса заслуживает. Но одно дело - что люди делают с инструментом, другое - что такое сам инструмент; это разделение придётся провести сознательно. Уберите спекуляцию, графики цен, шумиху - и посмотрите, что на самом деле делает машинерия. То, что останется, серьёзнее казино вокруг - и бьёт прямо в проблемы первых двух глав.

Сердцевина такова. Блокчейн - это общая запись, которую одновременно ведут множество независимых компьютеров, согласных о её содержании; записанное практически невозможно изменить или стереть, и никакая отдельная сторона не распоряжается целым. Важнее всего последнее. Запись не лежит в базе данных компании, на её усмотрении. Она в общем владении, и её правила исполняет сеть, а не хозяин.

Приложите это к первой главе. Каждая из описанных там иерархий стоит на том, что она - центральная

точка, через которую всё обязано проходить: реестр под чьим-то контролем, список, который кто-то ведёт, рубильник, который кто-то может повернуть. Система без центральной точки - система, в которой куда меньше рычагов, на которых работают иерархии. А поскольку правила живут в открытом коде, они противоположны закрытому кабинету: не «поверьте нам», а «проверьте сами». Для мира, чьи институты приучили людей - небезосновательно - предполагать худшее обо всём невидимом, машинерия, которую можно инспектировать, а не принимать на веру, - вещь немалая.

Второе, что делают эти инструменты, касается отдельного человека - того, на котором нас оставила вторая глава.

Они позволяют держать своё напрямую. В обычной финансовой системе ваши деньги - число в чужом реестре; учреждение может их заморозить, задержать - или быть к этому принуждено. При самостоятельном хранении человек держит собственные ключи и активы и не зависит ни от чьего разрешения и ни от чьей платёжеспособности. Сети эти не требуют допуска: чтобы открыть счёт, проводить операции, строить поверх своё, не нужно ничьё одобрение. Нет привратника - потому что нет ворот. И они устойчивы к цензуре: корректную операцию трудно выделить и заблокировать, потому что ни одна сторона не занимает позицию, с которой это делается.

Проще говоря, эти инструменты превращают человека из просителя во владельца. Тому, кто в прошлой главе

был объектом - зависимым, допущенным по чужому разрешению, отключаемым, - вручена прямая дееспособность, которая не спрашивает позволения и которую нельзя тихо выключить. Это настоящий ответ на настоящую часть диагноза.

Третье - самое интересное: оно отвечает на спецификацию, которой закончилась прошлая глава. Как действовать сообще в большом масштабе, не выстроив над собственными головами новую машину?

Эти инструменты делают возможной коллективную работу без начальника. Группы складывают ресурсы, выносят предложения на суд участников, записывают решения в открытую - и согласованные правила исполняются как написано, без центральной инстанции, которая сидела бы над группой и могла её пересилить. Такая организация - не здание с начальством внутри, а набор правил, которыми участники владеют сообще и работу которых видят. Координация без центральной точки контроля: то же свойство, что на уровне реестра, - теперь на уровне группы.

Это по-настоящему ново. Большую часть истории действовать сообще значило возводить иерархию, которая удержит координацию, - а иерархия, будучи построена, сама превращала участников обратно в объекты. Здесь - по меньшей мере сырьё для другого: собрание, которое по конструкции не требует хозяина. Первый встреченный нами серьёзный кандидат в ответы на задачу второй главы.

Вердикт стоит произнести без оговорок - довод книги зависит от справедливости прежде критики. Это не игрушки и не только снаряды для спекуляции. Под шумом они бьют ровно по тому, что первые две главы назвали болезнью: по центральным точкам контроля, по привратникам, по зависимости человека от институтов, которые не обязаны перед ним отвечать. Всякий, кто всерьёз озабочен концентрацией власти, обязан принимать их всерьёз. Проект, о котором эта книга, построен на них - не против них.

И всё же.

Присмотритесь к форме всего, что было похвалено. Каждая сильная сторона - изъятие. Нет администратора. Нет привратника. Нет разрешений. Нет стороны, способной заблокировать, заморозить, пересилить. В своей сердцевине эти инструменты необычайно хороши в одном: отбирать контроль. Миру давящих иерархий, похоже, именно это и нужно - потому энтузиазм не глуп.

Но отобрать контроль - не значит поставить что-то на его место. Убрать хозяина - ещё не создать подотчётность среди оставшихся в комнате. Снять ворота - ещё не дать внутри сложиться прочному сообществу. Лишите пространство всех точек контроля - останется свобода; слово верное, вещь хорошая. Но свобода в пространстве без света и без пола под ногами не только освобождает. Комната со снятыми замками и погашенным светом открыта для всех - а значит, для кого угодно; и заполняет её не всегда то, на что надеялись строители.

Это второе лезвие инструмента, и о нём следующая глава. Не отречение от сказанного - инструменты хороши ровно настолько, насколько заявлено, - а признание, что у чистой архитектуры изъятия есть свой характерный сбой, который энтузиазм движения предпочитает не замечать. Яснее всего этот сбой виден не в теории, а в месте, которое довело те же свойства до предела - и показывает, что они порождают, когда к ним не добавлено ничего.

Глава 4. Тёмная комната

Прошлая глава закончилась неназванным местом, которое довело похваленные свойства дальше, чем когда-либо доводил Web3. Пора его назвать. Это даркнет - слой интернета, построенный на инструментах, чьё единственное назначение - убрать личность и уйти от наблюдения; там человек действует с анонимностью куда более полной, чем даёт любой публичный блокчейн. Если сильные стороны из прошлой главы настоящие, даркнет должен быть их самым полным воплощением: изъятие центрального контроля, привратников, всякого наблюдателя - до предела.

Стоит спросить прямо: что там на самом деле выросло? Ответ не оспаривается. Даркнет стал прежде всего рынком запрещённого: наркотики, оружие, украденные данные - и хуже. Живёт там и другое: диссиденты и журналисты в опасных странах выживали благодаря той же анонимности, и это важно. Но центр тяжести - то, чем это пространство известно и вокруг чего организовано, - нелегальная торговля. Почти полное изъятие подотчётности породило в подавляющей мере ту деятельность, которую подотчётность и существует сдерживать.

Прочитаем этот результат так, как книга читает любой результат: структурно, а не морально. Ленивый вывод - что анонимность притягивает плохих людей, а потому плоха. Урок не в этом, и выводу стоит сопротивляться: он неверен и опасен. Люди в анонимных инструментах

- не особый худший вид; это то же распределение человечества, что и всюду. Меняется не то, кто входит в комнату, - меняется то, что комната вознаграждает.

Пространство без пола подотчётности - где некому держать ответ, предательство ничего не стоит, и не узнать даже, один ли человек перед вами или ширма, - не развращает людей. Оно отбирает. Тихо даёт преимущество тому, кто охотнее всех пользуется отсутствием последствий, и тихо топит всех, кто на последствия рассчитывал. Честное большинство не исчезает - его переигрывают: каждое свойство пространства на руку тому, кто играет на беспорядке. Это тезис первой главы, вывернутый наизнанку. Там болезнью была структура, концентрирующая власть и сбрасывающая издержки. Здесь - отсутствие структуры вообще: вакуум подотчётности в чистейшем виде, у которого есть свой предсказуемый продукт. Избыток контроля порождает одну болезнь, чистое его отсутствие - другую. Обе структурны, и ни одна не приговор людям, оказавшимся внутри.

Здесь нужна точность: именно в этом месте довод легче всего расслышать неверно - и употребить во зло.

Ничто из сказанного не довод против приватности - и ничто не оправдывает кампанию по криминализации инструментов, которые её обеспечивают. Это разные утверждения; первое здесь разделяется, второе отвергается. Право человека действовать, говорить, совершать сделки и объединяться, не будучи под наблюдением, - подлинное благо; предыдущие главы отчасти и были его защитой. Когда прокуроры

обращаются с авторами приватного софта так, будто написать инструмент - то же, что совершить чужие преступления, они делают серьёзную ошибку, и сопротивляющиеся ей сопротивляются по праву. В этой борьбе автор книги на их стороне - и говорит это раньше, чем скажет что-либо похожее на обратное.

Различение вот в чём. Есть анонимность как защита человека - щит против сильных; её стоит оборонять даже дорогой ценой. И есть анонимность как единственный организующий принцип общего пространства - одно правило, к которому не добавлено ничего. Первое - право. Второе - не общество. Защищать возможность быть невидимым - не то же, что утверждать, будто из одной невидимости строится прочное сообщество. Даркнет - то, что получается, когда пробуют. Он не провал приватности. Он - то, что случается, когда приватность просят в одиночку выполнить работу целого общественного порядка. Эта работа ей не по силам - и никогда не была.

Внутри первого провала прячется второй - тише и губительнее для замысла книги.

В пространстве чистой анонимности нельзя отличить одного человека от тысячи масок, надетых одним и тем же. Изнутри инструментов не узнать, толпа ли вообще та толпа, что вокруг. Это не просто дыра в безопасности - это стена на пути к тому, чтобы стать чем-то вместе. Людей, которые не могут установить, что они отдельные личности, нельзя сосчитать; а что нельзя сосчитать, то не станет общностью, с которой считаются. Не удержать «один человек - один голос»,

если не установить, что такое один человек. Видимое согласие изготовит тот, кто носит больше всех лиц. Такое пространство вмещает сколько угодно одиночек, свободных в своей анонимности, - но никогда не соберёт их в субъект, в народ, в тело с правом голоса. Оно застряло на уровне рассеянных одиночек - а это, как показала первая глава, ровно тот уровень, на котором люди бессильны. Тёмная комната не просто открыта для хищников. Она по природе неспособна стать тем, чего требовала спецификация: собранием.

Здесь решение как будто напрашивается само. Оно неверное, и понять почему - стержень всей книги.

Если беда в том, что никого нельзя опознать и ни с кого спросить, то ответ, казалось бы, - опознать всех и видеть всё: имя за каждым действием, запись каждого шага, свет в каждом углу. Комната вовсе без теней. Но это паноптикум: тотальная слежка, самая глубокая форма подчинения - то, от чего инструменты третьей главы по праву и уходили. Размен тёмной комнаты на камеру. Человека, которого в темноте переигрывали хищники, теперь выставили на свету перед властью. Это не лучше, а пожалуй, хуже: власть терпеливее хищников и никуда не уходит.

Оба очевидных пункта назначения проваливаются - как противоположности. Чистая анонимность даёт тёмную комнату: подотчётность невозможна, народ не складывается. Тотальное опознание даёт камеру: подотчётность полная, свобода не выживает. Большая часть спора между абсолютистами приватности и абсолютистами безопасности - перебранка о том,

который из провалов принять. Книга отказывается выбирать: ни выставленного напоказ человека, ни человека стёртого. Ни прожектора, ни темноты.

Отсюда вопрос точнее, чем задаёт любой из лагерей. Тёмной комнате не хватает не света - если под светом понимать слежку. Ей не хватает двух вещей: пола подотчётности, чтобы действие имело последствия, а предательство - цену; и способа знать, что участник - настоящий, единственный человек, чтобы народ мог сложиться и быть сосчитан. И то и другое - без прожектора в чьё-либо лицо. Комнате нужна, в старом смысле слова, гигиена: не прожектор - вентиляция и пол. И прежде всего - способ установить, что человек это человек, не устанавливая, кто он.

Последняя фраза звучит как противоречие. Доказать, что кто-то настоящий и единственный, - значит, казалось бы, узнать, кто он; а это то самое разоблачение, от которого мы отказались. Если подотчётность без слежки и верифицированная человечность без раскрытой личности невозможны - довод книги рушится здесь, и абсолютисты приватности правы: выбирать надо тёмную комнату, а не камеру.

Но это возможно. Показать, что построить можно и то и другое - что противоречие кажущееся, а растворяющие его инструменты уже работают, - задача следующей части. Это и есть недостающий слой. Он превращает диагноз в проект.

Глава 5. Подотчётность без слежки

Прошлая глава закончилась парадоксом. Повторим его в самой жёсткой форме - теперь всё зависит от того, можно ли его разбить.

Нужны две вещи, которых лишена тёмная комната. Знать, что участник - настоящий и единственный человек: иначе нет пола подотчётности, народ не сосчитать, от толпы масок не защититься. И знать это без слежки - без имени за каждым действием, без раскрытия личности: та дорога ведёт в камеру. И так: докажите, что перед вами подлинный, уникальный человек, не зная о нём ничего. Создайте последствия для действий, не наблюдая за действующим. Звучит как просьба дать тень без предмета. Если это невыполнимо, абсолютисты приватности выигрывают без боя, и книге больше нечего сказать.

Но это выполнимо, и ход проще, чем кажется. Это разделение двух вещей, которые мы привыкли получать в одной связке, хотя ничто не обязывает их связывать: факта, что вы уникальный человек, - и факта, кто вы.

Почти всякая система верификации сплавляет их воедино. Чтобы доказать, что вы настоящий, вы отдаёте личность - имя, лицо, документы; система их

сохраняет и с этой минуты знает и что вы существуете, и кто вы, - и может наблюдать. Связка так привычна, что выглядит законом природы. Это не закон природы. Это проектное решение - и доступно другое.

Вот оно. Человек однократно проходит проверку с единственной целью: установить, что он живой человек и что он уникален - не дубликат уже сосчитанного. Проверку можно сделать хорошо: подтвердить живого, отдельного человека сегодняшние методы умеют надёжно, пусть и не безупречно. А затем - в этом всё - идентифицирующий материал уничтожается: снимки, документ, имя не сохраняются, не подшиваются, не откладываются про запас. Остаётся на стороне системы лишь то, что не способно указать ни на кого: односторонние отпечатки, выведенные из личности и запечатанные секретом, который хранится отдельно. Они отвечают ровно на один вопрос - был ли этот человек уже сосчитан? - и даже при взломе их не прокрутить назад, к лицу, имени или документу. Человек же уходит со свидетельством: токеном, который держит он сам и который удостоверяет результат проверки - и ничего больше. Токен говорит: один верифицированный уникальный человек. Ни имени, ни лица, ни документа внутри. В публичном реестре он виден как псевдонимное владение: за ним стоит один настоящий человек, и узнать, кто он, нельзя.

Смотрите, чего это достигает и от чего отказывается. Достигает того, что было не по силам тёмной комнате: с любого расстояния вы уверены, что имеете дело с одним подлинным человеком, а не с фермой масок, -

свидетельство не отчеканить дважды и не передать другому. Отказывается от того, чего требовала камера: никто не наблюдает, потому что наблюдать нечем. Проверяющий не становится надзирателем - он не хранит того, чем надзирают. Это разница между верифицировать и наблюдать, и на ней держится всё. Верификация - одно действие в одну минуту, после которого система забывает. Наблюдение - постоянные отношения, которые не забывают никогда. Нужно первое; отвергается второе; и это не одно и то же, как бы часто их ни продавали вместе.

Дисциплина, которая делает это безопасным, называется минимизацией: собирать только то, чего требует единственная цель; хранить только то, что должно храниться; остальное отпускать. Удерживается факт, что проверка пройдена, да запечатанные односторонние отпечатки, не дающие пройти её дважды. Сырьё - биометрия, документ - не хранится нигде. Значит, нет хранилища лиц, которое можно слить, истребовать по повестке или превратить со временем в ту самую слежку; то, что можно изъять, нельзя прочесть назад. Систему, которая не хранит ничего обратимого, не заставить выдать то, чего у неё никогда не было.

Теперь проследите, что это одно свидетельство делает возможным дальше, - а делает оно многое.

Когда каждый участник - уникальный человек, привязанный к устойчивому свидетельству, появляется пол подотчётности. Действия прикрепляются к токenu; разрушитель не может сбросить личность и явиться

заново чистым - второй токен не отчеканить. Становится возможной репутация - и её потеря. Предательство обретает цену. Ничто из этого не требует знать, кто есть кто, - только что каждый есть отдельный, непрерывный кто-то. А самое глубокое следствие - то, к которому шла вся книга: такое пространство можно сосчитать. Его участники различимы - значит, из них может сложиться общность, с которой считаются. И поскольку каждый - ровно один, здесь держится «один человек - один голос» так, как не могло ни одно анонимное пространство: богатство не докупит голосов, ферма ботов не изготовит согласия - лишние голоса нельзя отчеканить вовсе. Тёмная комната, без единого луча в чьё-либо лицо, становится обитаемой: у неё есть пол и чистый воздух, а свобода, ради которой стоило входить, осталась.

Описано это как предложение - но это не только предложение. Это построено и работает: верификация, уничтожение данных, свидетельство, доказывающее уникального человека без раскрытия личности, - в рабочей системе, не в мысленном эксперименте. Почему всё это не могло существовать раньше - разговор одной из следующих глав. Пока важно одно: парадокс прошлой главы - не парадокс. Подотчётность без слежки реальна. Выбор между тёмной комнатой и камерой был ложным.

Честность требует назвать пределы - они тоже реальны. Это сильная устойчивость к подделке, а не математическая гарантия. Решительный противник

может попытаться обмануть проверку - регистрацией под принуждением, синтетическим лицом, достаточно хорошим, чтобы пройти; никакая система не безупречна против всякой попытки. Цена подделки человека поднимается с ничтожной до значительной - это меняет всё, но «значительная» не значит «невозможная». И есть остаточная точка доверия, которую надо назвать прямо: в ту единственную минуту верификации вы доверяете, что проверка честна и что данные действительно уничтожены. Доверие узкое - минута, одно действие, не постоянный надзор; его стягивают ещё туже открытый код, аудиты и тот факт, что системе, построенной ничего не хранить, нечем злоупотребить. Но это не ноль. Конструкция не волшебна. Она - хороший и конкретный ответ на задачу, у которой ответа быть не должно было.

Остаточное доверие вызывает возражение достаточно острое, чтобы разобрать его отдельно, - и приходит оно со стороны, которая этой книге ближе всего. У современной криптографии есть инструмент, который, кажется, растворяет даже эту узкую уступку: доказательство с нулевым разглашением - способ продемонстрировать, что утверждение о вас истинно: что вы прошли проверку, что вы ещё не сосчитаны, - не раскрывая ничего больше, никому и никогда. Если такие доказательства существуют, зачем принимать конструкцию, где проверяющему надо доверять - что он посмотрел и забыл? Зачем доверие там, где можно иметь математику?

Ответ: доказательство с нулевым разглашением меняет то, где живёт доказательство, а не то, откуда берётся истина. Всякое такое свидетельство сначала выпускается на основании корневого факта - документа, биометрии, той минуты, когда мир устанавливает: вот один живой человек, и он ещё не сосчитан. Криптография гарантирует, что после этой минуты не утечёт ничего, - и это очень много. Чего она не может - выколдовать первоначальный факт единственности из одной математики: кто-то или что-то всё равно проводит первую проверку, и в это мгновение ему доверяют. Ровно то узкое, одномоментное доверие, что уже выложено на стол. И уступим самой жёсткой версии довода, не дожидаясь её: уничтожение данных недоказуемо снаружи. Математика не сертифицирует стирание, а код, прошедший аудит, сам по себе не есть код, который исполняется. Именно поэтому хранимое хранится в виде, который нельзя прочитать назад, - чтобы вещи, достойной недоверия, не было в наличии. И именно поэтому ближайшие шаги той же дороги - например, слепой выпуск свидетельства, при котором даже выпускающий не свяжет его с регистрацией, - конструкция создана делать, а не отвергать. Спор с криптографическим пуристом - не «доверие против его отсутствия». Это торг о том, насколько малой можно сделать минуту доверия, - и обе стороны хотят сделать её меньше.

Позиция архитектуры формулируется легко: проверяющий слой построен заменяемым. Конституционно важен класс возможности, а не

реализация - различие, которое следующая глава проведёт в полную силу, - и здесь оно действует целиком. По мере созревания систем доказательства всё большую часть минуты доверия можно передавать от институтов математике, не меняя предмета постройки: сосчитанного народа. Найдут криптографы способ ужать минуту сильнее - ничто здесь им не сопротивляется: конструкция нарочно начерчена с гнездом, куда встанет их работа. Убрать нельзя только само требование. Где-то, однажды, единственность человека должна быть установлена перед миром - на этом стоит всё.

Ещё одно различие. Одно широко разрекламированное предприятие приучило многих связывать биометрическую верификацию с определённым образом: устройство, сканирующее радужку; токен в награду за регистрацию; компания в центре. Каковы бы ни были достоинства того предприятия, эта конструкция отличается в корне. Входная точка - не выплата, а учредительный текст. Свидетельство - не продукт компании, а членство в народе. За регистрацию нет награды - значит, нет машины, накачивающей масштаб ради масштаба. И ничего биометрического не хранит никто. Сравнение понятно - и рассыпается в каждом суставе, который имеет значение.

Остаётся вопрос, дважды отложенный. Если это так сильно и парадокс растворяется так чисто - почему только теперь? Почему народу без территории пришлось ждать нынешнего десятилетия? Потому что

ответ - новый: прежде должен был появиться класс инструментов, без которого всё это было недостижимо. Об этом следующая глава.

Глава 6. Окно, которое открылось

Пора платить по отложенному долгу. Если описанное в прошлой главе так сильно - верифицированная человечность без раскрытой личности и всё, что она отпирает, - почему это делается только теперь? А за этим тот же вопрос покрупнее: право народов на самоопределение уже почти столетие как устоявшаяся норма международного права; если народ может быть добровольным и планетарным, а не территориальным, почему ни один такой не появился до нынешнего десятилетия? Либо идея новее, чем выглядит, либо что-то изменилось. Верно второе. Изменилось не право - изменилось то, что до права стало возможно дотянуться.

Посмотрите, что всегда делало народ юридически различимым - народом, а не просто множеством людей. Доктрина разводит два рода признаков. Объективные: территория, происхождение, язык. И субъективные: сознание себя народом, коллективная воля, собственные институты. Юристы давно сходятся: субъективные глубже - население становится народом не оттого, что делит карту или родословную, а оттого, что знает себя как целое и действует как целое. Однако на практике работу доказательства почти всегда выполняли объективные признаки. Причина проста, и вслух её произносят редко: только они и поддавались проверке. На территорию можно указать. Язык можно задокументировать. Но как указать на коллективную

волю? Как доказать внешнему миру, что рассеянные люди действительно разделяют одно сознание и действуют сообща - без общей земли и общих предков?

Большую часть истории - никак. Народ без территории, каким бы настоящим он ни был для своих, не мог продемонстрировать именно то, что делает народ народом. Заявлять самосознание - мог; доказать - нет. Претендовать на коллективную волю - мог; предъявить такую, которую нельзя подделать, - нет. Описывать свои институты - мог; предложить их скептическому миру как проверяемые факты - нет. А недоказуемая народность в глазах права плохо отличима от движения, клуба, идеи. Субъективные признаки были сутью - и именно они не держались нигде, кроме как внутри сообщества, которое их чувствовало.

Вот замок, который только что повернулся. Повернули его три конкретные возможности - ни одной из них в пригодном виде до недавнего времени не существовало.

Первая описана в прошлой главе: установить, что каждый участник - настоящий, единственный человек, не раскрывая, кто он. Это делает коллективную волю исчислимой и честной. Заявление об общей убеждённости, которое любой раздует тысячей выдуманных участников, не доказывает ничего; заявление, которое несут верифицированные люди, каждый из которых считается один раз, - проверяемый факт. Впервые «мы» нетерриториального народа предъявляется как настоящее «мы», а не фигура, накопленная тем, кто держит больше всех аккаунтов.

Вторая - закрепить рассказ народа о себе так, чтобы его нельзя было тихо переправить или отрицать. Учредительный текст теперь можно криптографически подписать и с меткой времени занести в публичную запись, которую не контролирует никто в отдельности. Самоопределение сообщества - первый из субъективных признаков - существует как постоянный, публично проверяемый факт, а не документ на чьем-то усмотрении. Слово народа о том, что он есть, становится доказательством.

Третья - осуществлять коллективную волю, которой не распоряжается центральная инстанция и которую не купить: совместные прозрачные решения, где каждый верифицированный человек считается один раз и всё записано в открытую. Институты - третий признак - работают как видимые факты, а не рассказ о внутренней жизни, который просят принять на веру.

Сложите три вместе. Субъективные признаки народности - самосознание, коллективная воля, институты, - которые доктрина всегда считала сутью и которые прежде не проверялись без костыля территории или крови, теперь проверяются напрямую. Народ впервые может сделать глубинные факты о себе проверяемыми для кого угодно - оставаясь тем, чем решил быть: добровольным, планетарным, без земли и без претензий на чье-либо происхождение.

Что здесь утверждается, а что нет - расслышать неверно легко в обе стороны.

Не утверждается, что технология создала право. Право на самоопределение было здесь всё это время; ни реестр, ни свидетельство не вызывали его к жизни, и исчезни эти инструменты завтра - право осталось бы тем же. Инструменты сделали нечто более узкое и более важное: существующее право стало достижимым для народа, который прежде не мог до него дотянуться. Технология не создала право - она сделала его достижимым.

И не утверждается, что перед нами технологический проект. Инструменты - внешний контур, средство сделать правовую и человеческую реальность доказуемой, но не сама реальность. Реализацию можно заменить: лучшее свидетельство, другой реестр, новый метод верификации не изменят в доводе ничего. Убрать нельзя только класс возможности: без того, что выполняет эти три работы, нетерриториальный народ остаётся, где был всегда, - настоящим для своих, невидимым для права. Потому технология важна - и потому вторична. Это леса вокруг здания: незаменимы, пока идёт стройка, и не подлежат путанию с самим зданием.

Так вопрос о возможности сменяется вопросом о существе. Если условия выполнимы - признаки проверяемы, окно открыто, - в чём именно состоит ход? На какой почве стоит такой народ, предъявляя право, которое всегда его ждало? Это правовое сердце дела - туда идёт следующая часть книги.

Глава 7. Учреждение народа

Прошлая глава установила: добровольный планетарный народ может сделать себя реальным - подтвердить глубинные факты о себе, которые прежде показать было невозможно. Это о возможности. Эта глава - о самом притязании: на каком правовом основании такой народ стоит и что просит мир признать? Довод выстраивается тщательно: это несущая стена всей постройки, а изготовить его легко в двух негодных версиях - слишком робкой, чтобы что-то значить, или слишком грандиозной, чтобы пережить встречу с юристом.

Начнём с бесспорного. Право народов на самоопределение - один из самых прочных принципов международного права. Оно стоит в первой статье Устава ООН и составляет общую первую статью двух пактов о правах человека 1966 года: все народы имеют право на самоопределение; в силу его они свободно определяют свой политический статус и свободно обеспечивают своё развитие. Это право - у ядра современного порядка.

Но это право народов. Не отдельных людей - и, что здесь решает, не ограниченное никаким закрытым списком народов. Отсюда вопрос, на котором держится всё: что такое, по праву, народ?

Международное право этого не говорит. Ни один учредительный документ не определяет термина и не закрепляет перечня групп. Это не упущение, которое забыли исправить, - это молчание, которое государства бережно хранят, и причина проста: правительство, согласившееся на твёрдое определение «народа», вручило бы инструмент каждой группе внутри собственных границ. Категорию оставили открытой намеренно. У открытой категории два свойства, важных здесь. Нет исчерпывающего определения, которому обязан соответствовать новый претендент. И нигде нет запрета на появление народа, которого прежде не было, - странно было бы запрещать: каждый признанный ныне народ когда-то появился, и ни один не значился ни в каком изначальном списке.

В это открытое пространство доктрина предлагает не определение, а признаки - те, что назвала прошлая глава. Объективные: территория, происхождение, язык. Субъективные: сознание себя народом, коллективная воля, собственные институты - их доктрина считает более глубокими. У добровольного планетарного народа по замыслу нет ни одного объективного признака, и ни один не нужен: он не держит территории, не претендует на общее происхождение, не навязывает языка. У него есть субъективные - и теперь он может их подтвердить. Где якорем реальности народа стояла территория, здесь якоря - общее планетарное положение и общие ценности; а доказательство - не карта, но проверяемое тело самосознающих, свободно вступивших, уникально сосчитанных членов, действующих через институты,

которые может инспектировать любой.

Здесь стоит задержаться: в слове «народ» привычно сплавлены две разные вещи, и этот сплав делает почти всю работу в инстинктивном возмущении против народа нового. Есть народ этнографический: язык, культура, история, обычай - фактуры, по которым народы узнают в обыденной жизни. И есть юридическая суть, которую документы защищают: устойчивая самосознающая общность с собственной волей и институтами, способная нести право определять свою судьбу. Первое - как народы обычно выглядели. Второе - что народ, по праву, есть. Ничто в учредительных текстах не делает этнографическую оболочку обязательной: ни один документ не требует от народа одного языка, одной кухни, одного прошлого; о том же говорит сама иерархия доктрины, ставящая субъективные признаки выше. Оболочка имела значение по причине, названной в прошлой главе: она была единственным проверяемым свидетельством. Отделите оболочку от сути - и вопрос скептика меняет форму. Не «где ваша культура?» - фольклора закон не требовал никогда, - а «где ваша общность?». На это есть ответ того рода, который строила вся книга: не общие мнения - они не выделяют никого, - а практикуемая совместная жизнь. Взятые и исполняемые обязательства; работающие и связывающие институты; членство, которое несёт обязанности и издержки - и о котором можно показать, что они несутся. Члена отличает не то, во что он верит, а то, куда он вступил и что продолжает поддерживать. Это плотнее любого списка участников ассоциации - и ровно тот род

фактов, которые теперь можно сделать проверяемыми.

У этого довода два столпа, и второй пора назвать в полный рост. Первый - право народов на самоопределение. Второй - свобода ассоциации: право каждого человека объединяться с другими, ни у кого не спрашивая. Всеобщая декларация прав человека закрепляет её в статье 20 - и там же запрещает принуждать кого-либо к членству; Международный пакт о гражданских и политических правах, юридически обязательный более чем для ста семидесяти государств, повторяет её в статье 22. Региональные системы защиты прав - европейская, американская, африканская - дублируют гарантию каждая в своей конвенции. А в сфере труда это право укоренено глубже любого другого: конвенции Международной организации труда о свободе объединения действуют с конца сороковых годов, и за их соблюдением следит постоянный надзорный комитет - редкость даже среди фундаментальных прав. Свобода объединяться - не строчка из каталога. Это несущее право современного порядка, и именно оно делает сам акт учреждения законным: людям, объединяющимся мирно и добровольно, не требуется ничьё разрешение.

Заметьте, как эти два столпа смыкаются - и чего связка не требует. Отдельного человека не просят претендовать на право, которого у отдельных людей нет. Люди осуществляют бесспорную индивидуальную свободу - объединяться; осуществляя её вместе, образуют устойчивое сообщество; сообщество по своим

признакам начинает отвечать качествам народа - и к народу самоопределение прикрепляется обычным порядком. Право не проносят контрабандой на уровне человека. Оно приходит на уровне народа - когда народ есть. Вступающие при этом приходят не из правового вакуума: каждый уже живёт внутри мира народов, за которыми это право признано, и знает его изнутри. Но правовая дорога одна - через свободу ассоциации к сложившейся общности; самоопределение не приносят с собой, как вещь в кармане, - оно возникает у народа, который состоялся.

Следующий ход - тот, от которого зависит всё юридическое. Именно он делает затею законной, а не мятежной.

У самоопределения есть печально известная тень: сецессия. Там право обращено против государства - группа отламывает кусок территории и суверенитета, государство сопротивляется. Из-за этого право нервирует правительства, и международное право обложило его тяжёлой оговоркой о территориальной целостности. Добровольный планетарный народ поворачивает то же право в противоположную сторону. Он не берёт ничего ни у какого государства: не претендует на территорию, не ищет границы, никого не изымает из его нации. Вступающий не покидает народа, в котором родился, - он добавляет поверх ещё одну принадлежность, планетарную. Сложение, а не отделение; собирание поверх границ, а не вычитание изнутри.

И поскольку народ нетерриториален, он выпадает из-под самой оговорки - не в порядке исключения, а по построению. Оговорка защищает государства от притязаний на их землю. Нельзя нарушить целостность, которой не касаешься; нельзя угрожать суверенитету, которого не оспариваешь. Народ, не просящий земли и не оспаривающий границ, поставил себя вне досягаемости возражения, которое останавливает сепаратистов. Здесь не от чего защищаться - позиция сильнее, чем выигранная защита.

Не менее важно, на что притязание не заявляется: вернейший способ быть отброшенным с порога - заявить слишком много. Это не заявка на государственность. Народ не добивается кресла среди правительств, не присваивает атрибутов государства, не выставляет себя соперничающим сувереном. Он ищет более узкое - и потому достигаемое: функциональную правосубъектность. Признанную способность действовать, быть стороной взаимодействия, выносить вопросы перед институтами и быть выслушанным - в ограниченном регистре, не доходящем до государственности. Если поможет метафора: служебный вход в правоспособность, а не притязание на тронный зал. Право сидеть за столом по вопросам, которые его касаются, и говорить на равных - то, чего нет ни у движения, ни у ассоциации, и что много скромнее государства.

Что право способно вместить такого субъекта - не надежда: оно это делало. Суверенный Мальтийский

орден, два столетия без территории, поддерживает дипломатические отношения более чем со стадесятью государствами и несёт признанную, пусть ограниченную, международную правосубъектность, не будучи страной. Воображение системы не исчерпывается двоицей «государство или ничто». А когда Косово в одностороннем порядке провозгласило независимость, Международный суд, опрошенный в 2010 году, нарушила ли сама декларация международное право, нашёл: нет - общее международное право не содержит запрета деклараций независимости, и данный акт сам по себе нарушением не был. Дальше Суд намеренно не пошёл, оставив открытым, существует ли позитивное право такую декларацию делать. Ни то ни другое не чистая аналогия: оба случая территориальны или квазитерриториальны так, как этот - нет. Они устанавливают более скромное и полезное: в праве уже есть место для субъектов нестандартной формы, и акт самоучреждения сам по себе не нарушает ничего.

Эти два случая - лишь видимая кромка узора. Международная правосубъектность никогда не была двоицей из учебника: государство по одну сторону, ничто по другую. Она приходит в степенях и функциональных формах, и система полна субъектов, несущих её реальную меру без статуса страны.

Святой Престол ведёт дипломатию с примерно ста восьмьюдесятью государствами, заключает договоры, участвует в международных органах - и его правосубъектность не опирается на управляемую им

маленькую территорию: та создана соглашением много позже того, как правосубъектность стала древней. Международное лицо, чьё положение следует из того, что оно есть и делает, а не из земли. Международный комитет Красного Креста - на бумаге частная ассоциация по праву одной страны - признан всем миром как международное лицо, с собственным мандатом, правоспособностью и соглашениями с государствами. Правосубъектность за функцию - телу, которое не государство и не стремилось им быть.

Дальше - случаи, касающиеся народности напрямую: народы, получавшие статус до собственного государства или без него. Решив иметь дело с палестинским народом, правительства мира не стали ждать государства: признали представительный орган, дали ему место наблюдателя, а десятилетия спустя предоставили Палестине признанное положение, всё ещё не доходящее до полного членства, - ступенчатое участие, даруемое шаг за шагом народу, не подходившему под шаблон. Народ Намибии был представлен на международном уровне - и его орган признан подлинным голосом - за годы до того, как Намибия стала государством: статус дан народу через институты, до государственности, а не в награду за неё. А в 2007 году государства мира формальной декларацией подтвердили право коренных народов на самоопределение - народов, которые в большинстве не государства, не стремятся ими быть и не могли бы стать. Право отвяzano от обладания страной - намеренно и прямым текстом.

Добровольный планетарный народ не таков, как любой из них, и различия реальны: за Святым Престолом и Мальтийским орденом века признанного положения; Красный Крест выстроен вокруг одной гуманитарной функции; палестинский и намибийский народы - территориальные народы, искавшие территориального государства; коренные народы привязаны к своим землям и историям. Ни один не шаблон, и доводу, который обопрётся на любой из них как на шаблон, доверять не стоит. Но они и не для этого. Поставленные рядом, они устанавливают три вещи. Международная правосубъектность ступенчата и функциональна, а не «всё или ничего». Народ может нести международный статус без государства - порой задолго до него. И система уже не раз растягивалась, впуская субъектов нестандартной формы, - как только реальность за ними становилась слишком плотной, чтобы её отрицать. Нетерриториальный народ, просящий функционального, ограниченного статуса, не просит право сделать небывалое. Он просит сделать для нового рода народа версию того, что уже сделано для многих старых.

Сквозь все случаи тянется одна нить - та же, которую пряли прежние главы. Нигде статус не пришёл первым, а реальность потом. Всегда наоборот: некое тело делало, представляло, фактически действовало как международный актер - и признание приходило как подтверждение реальности, ставшей слишком весомой для отрицания. Красный Крест делал свою работу прежде, чем у права нашлось имя тому, чем он был. Представительные органы народов говорили за них

прежде, чем какое-либо государство даровало титул. Признание всегда вело себя так: запаздывающий индикатор доказанного факта, а не разрешение, выданное вперёд. Потому способность, описанная в прежних главах, - делать реальность народа доказуемой - значит так много. Она поставляет единственное, чего этот узор требовал всегда: реальность настолько плотную, что отрицать её со временем становится труднее, чем признать.

Закончить надо честно: в юридическом доводе всегда есть соблазн позволить выводу обогнать доказательства. Ничто здесь не доказывает, что добровольный планетарный народ уже сегодня - полный субъект международного права. Такого притязания нет; заявившего его следовало бы поправить. Притязание в двух частях, и их надо держать порознь. Как факт - народ существует: свободным актом своих членов, не ожидая ничего разрешения; существование разрешения не ждало никогда. Как право - его статус есть траектория: обоснованный и оспоримый тезис, подкреплённый построенным доказательством, который прирастает к признанию, как всегда прирастали институциональные реальности, - становясь слишком устоявшимся, чтобы считать его ничем. Изложенное - не вердикт. Это дело: серьёзное, на настоящих документах и прецедентах. А дело аргументируют и испытывают - не объявляют выигранным.

Остаётся вопрос, на который право в одиночку не ответит. Допустим, статус реален или становится

реальным. Статус - для чего? От чьего имени - и против какого соблазна стать той самой властью, с диагноза которой книга началась? Народ с местом за столом можно захватить; он может продать нейтральность; может съёжиться до ещё одного лобби. Для чего статус и как удержать его честным - следующая глава.

Глава 8. Щит, а не меч

Прошлая глава передала дальше вопрос, на который право не отвечает. Допустим, статус реален или на пути к реальности. Статус - ради чего? Место за столом - вещь, за которую борются и интригуют; едва оно появилось, вы - мишень для захвата и удобная повозка для чужого интереса. Книга началась с диагноза: власть, которая концентрируется и ни перед кем не отвечает. Скверный вышел бы итог - выстроить в конце ещё один её экземпляр. Так что стоит точно сказать, для чего статус нужен - и чем он не должен стать никогда.

Начнём с отрицательной половины, она яснее. Этот народ - не меч. Он существует не для того, чтобы завоёвывать, править, отнимать или соперничать с государствами за их власть. Вся его правовая опора, как показала прошлая глава, стоит на отказе от территории и суверенитета; потянься он к любому из двух - лишится почвы под ногами и станет ещё одним участником войны всех против всех. Меч не просто запрещён этикой - он структурно недоступен. У этой вещи нет лезвия, и жива она только тем, что лезвия нет.

Она - щит, и назначение её оборонительно в точном смысле.

Есть достижения - верховенство права, подотчётность власти тем, кого касаются её решения, признание прав, которые не вправе стереть никакое правительство, - на них ушли века борьбы, а размыть их можно куда

быстрее. Есть блага, которые принадлежат всем и потому не защищаются никем: пригодная для жизни планета, честность общего информационного поля, обуздание опасных технологий - те самые издержки, которые ни одна соперничающая власть не приспособлена нести. И есть большинство из первых глав: люди, несущие последствия планетарных решений без собственного канала быть услышанными. Щит - для них, для этих благ, для этих достижений. Не захватить власть от их имени - это снова меч, - а дать тому, что им дорого, статус, которого не было; слушание, в котором отказывали; защитника, который сам не становится новым хозяином.

Одно свойство делает всё это возможным, и стеречь его надо ревнивее всего: с его потерей растворяется всё. Щит работает, только пока он убедительно нейтрален - пока его нельзя купить, захватить, превратить в орудие отдельного интереса. Это не моральное предпочтение, это источник самого статуса. С какой стати выслушивать - по общим вопросам - тело, которое втайне служит одной из фракций? Вес голоса, говорящего за верифицированный планетарный народ, целиком держится на том, что голос не продаётся и не принадлежит никому. Нейтральность - не добродетель проекта. Это его капитал. Едва народ становится группой интересов - имущие говорят за имущих, лобби отрасли надевает мантию народа, - он сохраняет мантию и теряет всё, чего она стоила.

История неласкова к забывшим это. Настоящий и долгий авторитет по общим вопросам удерживали

почти исключительно те, кто берёт нейтральность как первое достояние: гуманитарное тело, которое не примет сторону, даже когда стороны очевидны; научная панель, которая жива, пока видно, что она идёт за доказательствами, а не за спонсором. Рядом - тесное кладбище упустивших: фонд, ставший ласковым голосом крупнейшего донора; движение, начавшееся как общее и кончившееся как фракционное; сторожевой пёс, которого тихо купили. Падение всякий раз одно: сохранили имя, кабинеты, бланк - потеряли единственное, что придавало всему смысл: отсутствие собственной ставки в обсуждаемом вопросе. Нейтральность для такого тела - не манеры. Это весь капитал, и потратить его можно один раз.

Потому соблазны надо назвать не дрогнув - они придут. Основатель может не выпускать штурвал. Богатый донор - купить повестку. Внутренняя фракция - заставить целое говорить за часть. Отдельная отрасль - назовём ближайшую, раз книга провела не одну главу среди её инструментов, - может вообразить народ удобным щитом для своих регуляторных битв, дружественным зонтиком. Всё это один провал в разных костюмах: проданная нейтральность, щит, перекованный в чей-то меч. И каждому надо отказать - не из благородства, а потому что альтернатива самоубийственна. Народ, ставший лобби крипты или чьим угодно лобби, выбросил то, что вообще давало ему говорить. Защищать общее благо и продвигать частный интерес одним ртом нельзя: второе, обнаруженное однажды, задним числом отравляет первое.

Но говорить всё это дёшево. Всякая централизованная власть начинала с обещания служить, а не править; ни одно обещание не нарушали чаще. Клятва нейтральности сама по себе не стоит ничего, и принимать её на веру никто не обязан. Чего-то стоит лишь структура, где захват затруднён конструкцией, а не запрещён надеждой: никто не накапливает власти рулить; хватка основателя может только слабеть; участники могут поднять всё целиком и продолжить без него, если он предаст. Даёт ли архитектура это на деле или только заявляет - вопрос честный и неотложный; книга встретит его в лоб.

Пока же важна цель, произнесённая ясно - чтобы позже приложить её к послужному списку. Щит для общего и непредставленного, и ничей меч. Статус, вся ценность которого - в нейтральности. И трезвое знание: нейтральность выживает, только если предательство сделано трудным. Остаётся вопрос, работает ли вещь: даёт ли модель, повёрнутая к настоящим ранам - коррупции, войнам, захваченным экономикам, - что-то, чего не могли ни иерархия, ни голый протест; и держит ли её собственное нутро. Этому испытанию её подвергают следующие главы.

Глава 9. Коррупция, безопасность, экономика

Модель стоит ровно столько, сколько ран она выдерживает. Книга началась с трёх: политическая коррупция, война, ставшая обыденностью, и экономика, в которой капитал переводится во власть. Все три - не отдельные кризисы, а симптомы одного состояния, вакуума подотчётности: много соперничающих сил, издержки без хозяина, и платящие не слышны там, где решают. Если выстроенное за последние главы - верифицированный нетерриториальный народ со статусом и без накопленной власти - нечто большее, чем изящная идея, он должен сделать с каждой раной что-то, чего не могут два привычных выхода: реформа институтов изнутри и уход из них. Не вылечить - на это притязания нет. Но сделать то, чего они не могут.

Сначала коррупция. Тезис первой главы: коррупция - не провал характера, а свойство конструкции. Где власть скапливается в кабинетах, не отвечающих ни перед кем сопоставимым, изъятие становится равновесием - кто бы кабинет ни занимал. Если так, стандартные средства - чиновники получше, надзор строже, ещё одно антикоррупционное ведомство - работают ниже по течению от причины; их долгая история разочарований закономерна.

Модель предлагает не более чистую версию той же машины, а тело, в котором того, чем кормится коррупция, - накопленной, захватываемой власти - просто нет. Нет кабинета, концентрирующего полномочия: каждый верифицированный человек считается один раз, и никакая должность этот счёт не копит. Нечего купить: голос не продаётся и не размножается, статус не прирастает к богатству. Ни одно правительство это не очищает. Вклад уже - и настоящ именно поэтому: структура, которую нельзя коррумпировать так, как коррумпируют институты, может служить тем, чего миру не хватает, - свидетелем и мерилom, которые не продаются. Обвинение в коррупции звучит иначе, когда исходит от тела, которому доказуемо нечего выгадывать. Неподкупность здесь не проповедь - проектная спецификация. И редкая верительная грамота в мире, где почти у каждого голоса есть интерес.

Насколько редкая - покажем конкретно. Сторожа, которых общество ставит против коррупции, - регуляторы, аудиторы, рейтинговые агентства, надзорные советы - сами вплетены в паутину интересов, которую призваны стеречь. Их кто-то финансирует; в них служат люди, которые вернутся в поднадзорную отрасль; их назначают те самые силы, которых они должны ограничивать. И сторожей захватывают - обычно не подкупом, а медленной гравитацией общего интереса, которую труднее разглядеть и на которую вернее можно положиться. Узор так надёжен, что в каждом языке есть для него присловье. Модель предлагает не более воспитанного

сторожа, а тело, на котором механизму захвата не за что ухватиться: нет бюджета под контролем донора, нет карьеры, петляющей обратно в отрасль, нет назначения в чьей-то власти, нет покупаемого голоса. Нейтральность держится не добродетелью участников, а отсутствием ручек, за которые её выкручивают.

Война - случай труднее: ничто не вызывает закатывания глаз быстрее, чем новый институт, обещающий мир. Диагноз книги: конфликт воспроизводится, потому что у мира соперничающих держав нет общего пола - каждая защищена лишь своей силой и в чужой силе читает угрозу, - а расплата достаётся людям, которые драки не выбирали.

У нетерриториального народа есть одна структурная черта, бьющая прямо в это, - одна, но немалая. Его члены - по все стороны всех границ. В любой войне они в обеих странах, потому что членство следует за свободным выбором, а не за флагом. Он один поэтому непригоден в орудие какой-либо стороны: не может принять сторону одной нации, не расколовшись против себя, - и потому имеет подлинную, структурную ставку в интересе, который не может представлять ни одно воюющее государство: в интересе людей по все стороны не быть скормленными машине. Государства представляют свою безопасность - по необходимости и друг против друга. Трансграничный человеческий интерес в деэскалации не представляет никто, потому что государство не может. Вот кандидат, который может: не армия, не посредник с рычагами - постоянная общность за общий интерес мира,

собранная со всех сторон разом. Это не конец войны. Это тело, через которое большинство с каждой стороны может сказать: эта война - не наша. До сих пор такому голосу неоткуда было раздаться.

Дистанция между теми, кто решает начать войну, и теми, кто за неё платит, - старейшая структурная черта войны. Солдаты в большинстве не выбирали драки, мирные под бомбами - тем более. Сколько существуют государства, человеческий интерес обеих сторон один - не быть уничтоженными - и на обеих сторонах он единственный без организованного голоса: всякий организованный голос принадлежал государству, которому нужна была война или готовность к ней. Тело, чьи члены сидят по обе стороны разом, эту машинерию не демонтирует. Но это первая структура, способная дать общему интересу постоянный орган - вместо того, чем он был всегда: рассеянным частным горем, которое приходит слишком поздно и обращено ни к кому.

С экономической раной нужна особая точность: её легче всего принять за то, чего книга не делает. Болезнь, по второй главе, в том, что капитал переводится во власть: формальное «один человек - один голос» лежит поверх рабочего «одна единица капитала - одна единица влияния», и концентрация нарастает. Новые финансовые инструменты возникли отчасти как реакция - и сидят пока в подчинённом положении против старожиллов: их перелоббировали, перерегулировали, перевесили ресурсами.

Асимметрия не абстрактна. Самая резкая её демонстрация на памяти живущих - финансовый крах конца первого десятилетия века. Когда система сломалась, убытки сделали публичными, а прибыли остались частными: обычные люди приняли провал сбережениями, домами, налогами, истончившимися публичными службами; почти никто из сконструировавших его не встретил последствия, которое обычный человек признал бы последствием. Асимметрия первой главы в чистом виде - ответственность в одну сторону, - и она не разрешила ничего: породившую её конструкцию оставили стоять. Никакой новый сторож этого не чинит, потому что изъян не в недостающем правиле. Изъян - в переводе капитала во власть писать правила, гнуть их и переживать их нарушение.

Было бы легко - и губительно - позволить народу стать политическим крылом новых инструментов, лобби одного рода денег против другого. Почему губительно, объяснила прошлая глава; довод действует здесь в полную силу. Вклад модели - не занять сторону в драке денег, а защищать и воплощать принцип, лежащий под всей болезнью: положение человека в общих решениях не должно быть функцией его богатства. Внутри этого народа принцип - не устремление, а работающий факт: капитал не покупает голосов, богатейший и беднейший считаются одинаково. Это чего-то стоит и вовне - как демонстрация: действующее доказательство, что легитимность может стоять на верифицированной человечности, а не на капитале; что перевод денег в политический голос - не закон природы, а проектное

решение, от которого можно отказаться. В экономике модель защищает не валюту. Она защищает некупимость человеческого голоса - а это общее благо, не частный интерес.

Во всех трёх случаях честная форма притязания одна. Модель не лечит коррупцию, не кончает войну, не опрокидывает финансовый порядок. Она поставяет каждой ране то, чего не могут ни реформа, ни уход: трансграничную, некупимую, незахватываемую общность и мерило - со структурной ставкой в общем интересе и без собственного интереса на продажу. Это ново. И это пока мало: сила общности растёт с размером, а эта только начинается. К этому пределу книга подойдёт в лоб.

Но каждый довод главы опирался на одно допущение: внутри этого народа власть не копится нигде, нейтральность защищена, голос нельзя купить или захватить. Если допущение ложно - если архитектура против внутренней касты есть обещание, а не механизм, - всё сказанное осыпается в благие пожелания. Допущение надо исследовать, а не постулировать. Как народ удерживает власть от концентрации внутри себя - без правителя, следящего за правилом, - следующая глава.

Глава 10. Управление без касты

Каждый довод трёх последних глав стоял на одном допущении - пора его защищать. Допущение такое: внутри этого народа власть не копится нигде; голос нельзя ни купить, ни размножить; никакая должность не собирает полномочий; нейтральность защищена конструкцией, а не нравом того, кто у руля. Если это неправда - всё сооружение оказывается проповедью. И сильнее всего давит возражение, которое поднимет всякий, кто видел, как движение скисает в иерархию: массу нельзя собрать в действующее целое, не выведя внутри неё касту. Кто-то оказывается у штурвала; многие становятся ведомыми. Эта глава - ответ, и ответ не в обещании добродетели. Это набор механизмов, каждый можно осмотреть.

Возражение стоит принять в полную силу: это не пессимизм, а почти исторический закон. Проследите жизненный цикл движений, партий, профсоюзов - путь повторяется с мрачной регулярностью. Тело, основанное, чтобы дать многим голос, из практической нужды - кто-то должен вести дела - выращивает прослойку организаторов, знающих машинерию; прослойка твердеет в собственный интерес, отдельный от участников, а затем и противоположный им. Администрирующие организацию начинают ею владеть; администрируемые снова становятся ведомыми. Об этот риф разбилась почти каждая попытка коллективного самоуправления, и проект,

отмахивающийся от него, не понял своей задачи. Всё, что ниже, выставлено против этого - и не стоит ничего, если этого не выдержит.

Начнём с голоса: на нём стоит всё. В этом народе один верифицированный человек - один голос, и голос привязан к свидетельству человечности из прежних глав. Это делает разом две вещи, которые обычные системы не делают вместе. Каждый голос привязан к уникальному человеку - большинство нельзя изготовить из выдуманных аккаунтов: сибил-атака, выдающая всякое анонимное пространство, закрыта. И положение прикреплено к человеку, ни к чему больше, - его нельзя накапливать: в дополнительные голоса не переводится ни репутация, ни вклад, ни внутренняя единица обмена. Богатейший участник и новичок считаются ровно по одному разу. Что бы ни концентрировалось в этом мире, голос концентрироваться не может.

Выбор резче, чем кажется, и стоит отметить дорогу, по которой мы не пошли. Существует изошрённая традиция - родом из того же технического мира, чьи инструменты книга хвалила, - улучшать правило большинства хитрым взвешиванием голосов: позволить людям выразить силу чувства по нарастающей цене, чтобы учитывалась интенсивность, а подсчёт голов не тиранил. Работа изящная. Но всякая такая схема всё равно взвешивает: позволяет сигналу, кроме равного человеческого счёта, влиять на исход. А где есть взвешивание, туда просачиваются ресурсы: способность потратить больше - токенов, кредитов, чего

угодно - никогда не распределена поровну. Этот народ отказывается от взвешивания целиком. Он не хитрит с ценой голоса - делает все голоса равными, а ум вкладывает в другое место.

Потому что у голого равенства есть настоящий изъян: большинство бывает неосведомлённым, поспешным, жестоким к меньшинству, и «один человек - один голос» сам по себе от этого не защищает. Ответ - не взвешивать голос, а выстроить дорогу, по которой он идёт. Решение с последствиями не выносится сразу на поднятие рук. Предложение излагается с обоснованием и рисками; его смотрят люди с относящейся к делу компетенцией; оно открывается для обсуждения, где любой может спросить и внести поправку; выдерживает период остывания, чтобы минутный жар не решал долговечных вещей; по специальным и высокорисковым вопросам порог принятия поднимается, и мотивированное возражение компетентного совета может поднять планку, которую согласию предстоит взять. Что это делает - и чего не делает. Экспертам не дано решать: они не пересиливают голосование, только осведомляют и замедляют. Сиюминутному большинству не дано продавить. Качество нагружено на процесс, равенство сохранено у урны. Защита от толпы без капитуляции перед жречеством: отвергнут популизм - и эпистократия вместе с ним.

Стоит увидеть, насколько это ломает привычную геометрию. Все известные нам модели общежития - исторические и современные - построены по одной

пирамидальной схеме: наверху царь, вождь, президент, генеральный секретарь. Вершина - одновременно точка входа и точка выхода всех больших решений: узкое горлышко, через которое проходят немногие, и почти всегда свои - приближённые, свита, двор. Меняются титулы и обряды; геометрия остаётся. Здесь предлагается другая геометрия. Лидер не ограничен и не сдержан - он отсутствует: не вакансия, которую пока не заняли, а переменная, которой в уравнении нет. Это заложено в учредительных документах как принцип и удержано устройством как факт: каждый член самоуправляем, целое самоорганизуется - без вершины.

И в конструкции нет кресла, которое могла бы занять каста. Нет партий, нет постоянных должностных лиц, нет исполнительной власти, которая правила бы между голосованиями и становилась правительством. Неизбежные функции - поддерживать софт, действовать в подлинной чрезвычайной ситуации - определены как служба, не команда: узкие по объёму, ограниченные по силе, сменяемые, неспособные тронуть существо решений народа. Власть не концентрируют, чтобы потом сдерживать, - ей не дают сконцентрироваться. Это сильнее: сдержку можно захватить, отсутствие - нельзя. Ротация; разделение ролей, чтобы никто не держал несколько рычагов; обязательное объявление конфликтов интересов; защита меньшинств; право любого участника поставить вопрос снизу. Не украшения - водопровод, который не даёт касте завестись.

Обещаны были механизмы, которые можно осмотреть, а не конструкция, просящая веры. Безупречных конструкций нет, и честной архитектуре нужен последний рубеж на день, когда откажет остальное. Он есть, и это важнейшая из защит - именно потому, что не зависит от поведения кого-либо внутри. Всё работает на открытом коде, и за участниками закреплено право выйти и воспроизвести его. Случись захват - основателем, не желающим отпустить; фракцией; покупателем - участники могут взять постройку целиком: код, правила, собственные верифицированные личности - и продолжить в другом месте, без захватчика.

Вот почему это не просто угроза раскола: враждебный форк скопирует код, но не скопирует людей, легитимность и верифицированное членство - они путешествуют с участниками, а не с держателем ключей. Легитимное продолжение - то, что сохраняет учредительное ядро и уводит большинство верифицированного народа; захват оставляет себе здания и теряет город. Это делает «поверьте мне» ненужным. Власть основателя устроена так, что может только сужаться; предаст и это - народ выйдет в дверь со всем, что имело ценность, оставив ему пустую копию. Структуру, из которой можно уйти, унеся всю её ценность, в конечном счёте нельзя захватить.

Перепродавать и это не стоит. Перед нами конструкция, а конструкции встречаются с реальностью и получают синяки. Деньги изобретательны в поиске новых дверей; часть механизмов испытана лишь в

малом масштабе; право на форк - страховочный трос именно потому, что передняя линия обороны не гарантирована. Что архитектура делает захват трудным - утверждение, которое можно защищать. Что невозможным - нет, и говорящему обратное доверять не стоит. Но «трудно - и с настоящим выходом, если не удержится» - много больше, чем предлагает любая иерархия. Это честный максимум.

Так книга приходит туда, куда указывала всё время: к честному счёту собственных слабостей. Не одного управления - всего довода: чего он не может, что могло бы его сломать, и простого факта его нынешнего размера. Книга, которая просила испытывать её в слабых сочленениях, а не любоваться сильными, обязана финальной главой, которая делает ровно это.

Глава 11. Где всё это ломается

В каждой главе звучала просьба судить довод по местам, где он ломается, а не где себе льстит. Дешёвая вышла бы честность - повторять это всю дорогу и закончить победным росчерком. Последняя глава - счёт, предъявленный к оплате: места, где выстроенное слабо, не доказано или открыто для справедливого удара. Лучше выписать их самому и прямо, чем оставить другому - чтобы он нашёл их и принял за спрятанное.

Начнём с самого крупного. Почти каждое утверждение книги берёт силу из масштаба - а масштаба ещё нет. Вес общности - функция численности; статус народа прирастает с ростом верифицированного членства; голос большинства мало значит, пока членов мало. А их мало. Существующее сегодня ближе к работающему прототипу института, чем к массовому движению: машинерия построена и работает, но прошедшие через неё исчисляются скромно, не миллионами, которые воображает довод. Всё сказанное о рычагах, представительстве, месте за столом надо читать, держа это в уме. Конструкция завершена; общность в самом начале. Скептик, который скажет «приходите, когда будут миллионы», не будет неправ.

Важно, впрочем, какого рода этот разрыв. Это не полусобранная идея, ждущая недостающих частей.

Учредительный текст, верификация, управление, правовой интерфейс существуют - в работе, сейчас. Не хватает не вещи, а её принятия: людей, которые знают о ней и решают вступить. Ограничение настоящее и тяжёлое - но это ограничение охвата, не существа, а отвечают на них по-разному: проблему известности не чинят перепроектированием машины. И всё же охват, которого нет, - это охват, которого нет. Честно записываем его в нынешние слабости.

Дальше - самая глубокая неопределённость; на неё однажды надавил острый критик, и полного ответа не нашлось. Допустим статус, допустим рост - в чём, собственно, рычаг? Блок капитала может двинуть деньги и вырвать уступку завтра. Здесь такого рычага нет, и выдумывать его не стоит. Ставка сделана на более медленное и менее верное: легитимность прирастает; предъявленная, верифицированная, некупимая общность становится со временем слишком устоявшейся, чтобы считать её ничем, - так признание исторически и следовало за фактами, ставшими неоспоримыми. Узор настоящий. Но это пари, не гарантия: оно может оказаться слишком медленным для сроков, которых требуют кризисы, или слишком мягким для сил, отвечающих только силе. Пари стоит заключать. Выигрывает ли оно - неизвестно, а утверждающий, что знает, что-то вам продаёт.

И возражение, самое близкое к дому, - ему причитается больше прямоты, чем любому другому. Я построил оболочку до того, как в неё кто-либо въехал. Конструкция спроектирована сверху вниз, одним

человеком, и лишь затем открыта для народа - ровно тот узор, которому по праву не доверяет каждый, кто видел, как основатели предают свои движения. Прошлая глава изложила механизмы, призванные сделать захват основателем трудным и позволить участникам продолжить без меня: голос, который нельзя накапливать; власть, которая может только сужаться; открытый код; право на форк. Я в эти механизмы верю. Но вера - не доказательство, а единственного испытания, которое считается, они не прошли: настоящей попытки захвата, отбитой в большом масштабе. До тех пор утверждение, что эта вещь не станет ещё одной повозкой своего основателя, остаётся утверждением - подкреплённым конструкцией и ожидающим суда. Его честная форма - не «поверьте мне», а «вот структура, построенная так, чтобы верить не требовалось: попробуйте сломать - и смотрите, устоит ли».

Сложите всё вместе - малый размер, недостаточное принятие, недоказанный рычаг, неиспытанная стойкость к захвату - и справедливый человек спросит: зачем строить вещь, открытую с такого числа сторон? Ответ давала вся книга: альтернативы хуже. У реформы институтов, не отвечающих ни перед кем, долгий список неудач; уход рассеивает людей по частным укрытиям и общей беспомощности. Против этих тупиков попытка собрать рассеянных в субъект - проверяемый, некупимый, незахватываемый, с собственным каналом к вопросам, решающим будущее всех, - стоит того, чтобы её предпринять, даже при таких шансах и из положения столь раннего. Кто-то

должен возвести оболочку прежде, чем в неё смогут въехать. Честный способ - построить так, чтобы её можно было осмотреть, испытать и отнять у строителя, если он предаст, - и сказать об этом вслух.

В генетике есть инструмент, который не глушит симптомы, а правит саму запись, - CRISPR, - и он изменил медицину. Предлагаемое в этой книге - попытка того же рода, обращённая к человеческому общежитию: не ещё одна мазь поверх воспаления, а работа на уровне, где записано устройство. И правка эта - не технологическая. «Внедрим блокчейн», «раздадим цифровые паспорта» - это разговор об инструментах, а инструменты здесь то же, что пипетки и лаборатории: необходимы, заменимы и не составляют сути. Правится сама запись - то, кем человек является в общем устройстве: объектом, которого определяют извне, или автором, который определяет себя сам и вместе с другими образует субъект. С двумя оговорками, которых генетика не требует. Первая: гарантий нет. Возможно, свободного общества не будет никогда; предлагается не результат, а попытка - и стоит она несравнимо меньше того, чего может стоить исход. Вторая: эта правка не для избранных - не для одной страны и не для клуба сильных. Для всех без исключения - и для каждого.

Так книга возвращается к началу - к различению, на котором держится весь довод. Речь никогда не шла о бегстве из системы: инструменты бегства существуют и кончаются, как мы видели, тёмной комнатой или камерой. Речь о ходе более трудном и менее хоженном:

учредить субъект там, где была россыпь одиночек; дать человеку, сведённому к точке в данных, способ снова быть автором - вместе с другими и без нового хозяина над головой. Удастся ли попытка, описанная на этих страницах, обещать нельзя - книга и не обещала. Можно сказать другое: сам ход теперь возможен - впервые; он отвечает настоящей и растущей нужде; и делается он в открытую, где любой может проверить - и любой может сделать лучше или заменить.

Поэтому в конце - не заявление победы, а приглашение к атаке. Разберите довод на части. Найдите место, где он ломается. Сделайте форк - и сделайте лучше. Худший исход не в том, что именно этот народ не состоится, а в том, что возможность, на которую он указывает, останется непостроенной, - потому что никто не решился возвести первую, несовершенную версию и встать на открытом месте под суд. Услышать, где это ломается, по-прежнему ценнее, чем где это льстит. Не из скромности. Просто только так такие вещи и удаются.